

Глава 1

Эллиэнн

Я перечитала светящуюся передо мной табличку:

Вид организма: человеческая самка

Происхождение: Земля

Возраст: около двенадцати лет

**Данный новейший экспонат будет
представлен на основной выставке
Зоны Земли, как только установится
эмоциональная стабильность**

Я посмотрела на это замызганное создание, и мне захотелось потянуться через невидимое ограждение и взять его за руку. (Такое было не позволено, вообще невозможно: ограждение оттолкнуло бы меня, болезненно ударив током.)

Волосы у него...

Так. Мне надо прекращать говорить «оно». На табличке написано, что это самка, значит, это «она»...

Волосы у неё висели свалевшимися прядями. Наверное, они понравились бы мне, будь они чистыми. Её бледную безволосую кожу усыпали пятнышки потемнее («веснушки», вот как они называются на её языке). Её одежда походила на ту, что носили другие люди в Зоне Земли. На ней были штаны из грубой на вид ткани и толстая и объёмистая вещь оттенком посветлее сверху, а ноги были обуты в большие ботинки, закреплённые переплетённым шнуром.

Её лицо было грязным, с дорожками от слёз, а покрасневшие глаза влажно блестели. Она плакала (это нормально — люди часто так делают), хотя действующий на атомном уровне препарат, который ей дали, подавил большинство её основных когнитивных функций...

(Погодите. Это не слишком сложно? Филип считает, что мне стоит написать: «Ей дали медикаменты, из-за которых её мозг замедлился». А это, я полагаю, почти то же самое. Предоставлю решать вам.)

Несмотря на это, в её глазах виднелся проблеск жизни. Возможно, дозировка была неточно рассчитана, или она обладала устойчивостью к некоторым препаратам.

Как бы то ни было, она посмотрела на меня, и я изумилась, до чего же человеческие лица выразительны.

Она приложила ладонь к груди, и мне на краткий миг показалось, что она делает знак Сердечных, но — само собой — это было не так.

Она напряжённо посмотрела на меня и сказала:

— Та-ми.

Только это: два этих слога.

Затем она повторила:

— Та-ми.

Я оглянулась через оба плеча, но никто на меня не смотрел, так что я вытащила свой ПП и засняла это. Общаться с экспонатами не запрещалось *прямым текстом*, но и не поощрялось тоже.

«Это что, её имя?» — подумала я.

Я повторила слоги, которые она произнесла, хоть мне было и нелегко воспроизвести такие звуки.

— Та-ми, — сказала я.

Она кивнула и сделала странное лицо, будто ей одновременно хотелось засмеяться и заплакать, чего я не поняла — и до сих пор до конца не понимаю. Человеческие существа чудные.

Я сымитировала её жест и назвала своё имя.

Человеческая самка попыталась повторить его. Получилось *совершенно* не похоже на моё имя. Она попыталась снова — в этот раз вышло получше. Я пару раз потренировала звуки, а потом постаралась произнести своё имя так, чтобы она смогла его повторить.

— Элли-энн, — сказала я, и её рот слегка растянулся в улыбке.

Она с усилием моргнула и повторила его мне в ответ. Я обнаружила, что улыбаюсь ей.

Затем её улыбка погасла, и она произнесла ещё два слога:

— И-тан.

Из динамика рядом с табличкой донёлся голос:

— Ваше время истекло. Проходите дальше. За вами целая очередь желающих посмотреть на новый экспонат. Не задерживайтесь больше отведённого времени. Следующий.

Человеческая самка понаблюдала, как я ухожу, а затем отошла и села на землю в глубине своего вольера, к которому уже приблизились два новых посетителя.

«Та-ми», — сказала я сама себе, проходя мимо Ассистента-Советника, стоявшего с краю выставочного пространства.

— Ты здесь уже в третий раз, кажется, — сказал АС. — Да ещё и с экспонатами общаешься? Я за тобой слежу.

Вот только вслух он этого не произносил. Ему не нужно было — он просто пристально посмотрел на меня, и этого было достаточно.

Вот так здесь всё и происходит. Все подчиняются правилам. Никто не выходит за рамки дозволенного.

Всю дорогу до своего дома-капсулы я старалась сохранить невозмутимое выражение лица, хоть на самом деле мне хотелось сморщиться и заплакать. Однако это немедленно выдало бы, что я не такая как все, поскольку народ здесь не плачет — да и не смеётся, раз уж на то пошло.

Вместо этого я раз за разом мысленно повторяла её имя: «Та-ми. Та-ми. Та-ми».

Я воспроизвела на своём ПП запись, где она произносит своё имя и что-то ещё.

«Что такое И-тан?» — размышляла я. Именно это она сказала: «И-тан».

Возможно, когда-нибудь я узнаю.

Потому что я собираюсь вернуть Тамми на Землю.

Это будет опасно. Если я не справлюсь — меня усыпят до конца моей жизни.

А если у меня всё получится? Что ж, тогда, скорее всего, мне придётся сделать это снова, с другим экспонатом.

Своего рода проклятье за то, что обладаешь чувствами.

ГЛАВА 2

Итан

Моя сестра-близняшка Тамми уже четыре дня как пропала, так что когда раздаётся звонок в дверь, я предполагаю, что это полиция или очередной журналист.

— Я открою, — говорю я Ма и Па.

Ба в спортивном костюме дремлет, откинув голову и раскрыв рот, в большом кресле у рождественской ёлки. Огоньки на ёлке уже давно не зажигались.

Я открываю дверь и вижу перед собой Игнатуса Фокс-Темплтона — Игги, если кратко и чуть менее странно — в тёплом пальто, плоской кепке и шортах (несмотря на снег). В одной руке он держит удочку, а второй прижимает к себе Сьюзи, свою ручную курицу. За спиной у него висит здоровенная сумка, а на земле с ним рядом валяется его ржавый старый велик.

Некоторое время мы просто стоим, уставившись друг на друга. Мы не то чтобы лучшие друзья или что-то в этом духе. В сочельник, когда Тамми только пропала, у нас с ним состоялось несколько неловкое

взаимодействие. (Я чуть не сломал его маме пальцы крышкой пианино, но она была на меня не в обиде.)

— Я, эм... я просто подумал... мне пришло в голову, ну знаешь, может... эм... — Игги обычно не такой, но обычно его и нельзя назвать обычным, и кроме того, в настоящий момент всё идёт совсем не как обычно.

— Кто там? — устало окликает из дома Ма.

— Не волнуйся, Ма. Неважно! — отзываюсь я.

Ма стало хуже за пару последних дней. Никто из нас толком не спит, но я начинаю подозревать, что Ма не спит *вообще*. Под глазами у неё появились такие сине-серые круги, будто макияж смазлся. А Па тем временем пытается заниматься пабом и координировать поиски, но дел у него становится меньше и меньше. Все хотят нам помочь, а значит, единственное, что остаётся нам, — это сидеть, волноваться всё сильнее и плакать. Сандра, сотрудница по семейным вопросам из полиции, которая теперь проводит у нас уйму времени, говорит, что это «ожидаето».

Я поворачиваюсь к стоящему на пороге Игги.

— Чего тебе? — спрашиваю я, и выходит грубее, чем я намеревался.

— Ты не... эм, ты не хочешь пойти порыбачить? — практически шепчет он. Глаза за толстыми стёклами очков моргают быстро-быстро.

В том случае, если вы не до конца понимаете, насколько странным мне это кажется, вам стоит знать, что последние несколько дней весь мой мир

состоял лишь из беспокойства и слёз; и бойких полицейских; и журналистов с камерами и блокнотами, жаждущих получить интервью; и людей из деревни, приносящих еду, несмотря на то что в пабе имеется огромная кухня (теперь у нас есть два пастушьих пирога и здоровенный торт-безе); и Сандры, и Ма и Па с Ба, пытающихся как-то справиться со всем этим; и тётушки Анникки и дяди Яна, прилетевших вчера из Финляндии, чтобы... а я и не знаю толком, зачем. Чтобы «утешать» нас, видимо.

А всё потому, что четыре дня назад Тамми исчезла с лица земли. С тех пор всё идёт наперекосяк.

Так что когда Игги заявляется сюда и предлагает порыбачить, моя первая мысль — это «Ты с ума сошёл?» Потом до меня доходит.

— Это Сандра придумала? — спрашиваю я, держа входную дверь наполовину прикрытой, чтобы не впускать в дом холод.

Игги и не собирается отпираться. Он кивает в своей характерной уверенной манере. Сандру Игги уже знает: у него бывали причины, чтобы полицейский по семейным вопросам приходил к нему домой.

— Да. Она подумала, что тебе, возможно, захочется ненадолго выбраться из дома. Знаешь, смена обстановки и всякая такая туфта. Отвлечься немного.

«Туфта». Слово очень в духе Игги. Местного акцента у него особо нет, но и совсем нормативного произношения тоже. Он будто не может до

конца определиться, как ему говорить, и поэтому использует всякие странные словечки, чтобы заполнить пробелы.

Игги продолжает:

— Так что — вот он я! — Он приподнимает свою удочку. — Ну то есть, — добавляет он, кивая на Сьюзи. — Вот они *мы*.

Я правда не знаю, как относиться к Игги. Па он совершенно не нравится, с тех пор как — мы тогда только переехали в эту деревню — Па поймал Игги, когда тот пытался утащить коробку чипсов из подсобки возле паба. Его мама сказала, что подсобку вообще-то следовало закрывать, так что Па и она не очень-то по душе. Она держит пчёл. С папой Игги она, кажется, в разводе.

И всё же мне приходится признать: Игги поступает весьма мило, хоть это и не его идея. Мне даже не нравится рыбалка. Сьюзи, курица Игги, вытягивает шею, чтобы я её почесал, и я послушно зарываюсь пальцами в тёплые перья у неё на горле. Честно говоря, у меня и насчёт Сьюзи сомнения. Ну то есть, кто вообще заводит в качестве питомца *курицу*?

Потом, параллельно почёсывая Сьюзи, я думаю: «Что ужасного может случиться?»

Так что я сую голову в дверь гостиной. Па ушёл на кухню и говорит там с кем-то по телефону, а Ма просто невидящим взглядом таращится в телевизор, который вообще-то выключен. Ба негромко всхрапывает. В комнате чересчур жарко,

догорающий в камине огонь светится бело-оранжевым.

— Я погуляю недолго, Ма, — говорю я. — Ну знаешь — свежий воздух, всякое там такое.

Она кивает, но я не уверен, что она хорошо меня расслышала. Её голова целиком занята Тамми.

Тамми, моей сестрой-близняшкой, которая исчезла с лица земли.